
Приняв письмо из рук привратника, Бай Юй достал из кошелька десяток-другой медных монет.

— Возьми-ка, купи себе сладостей, — улыбнулся он.

Парнишке на воротах едва исполнилось десять — в этом возрасте любой будет рад лишней конфете. Схватив медяки, он просиял и поклонился:

— Спасибо, братец Бай Юй! Это ведь моя работа, почту доставлять.

С письмом в руках слуга поспешил в покои Се Нина. Его молодой господин как раз был увлечён новой историей, которую рассказывал в городе господин Жунчжай.

Недавно юноше довелось услышать завязку, и с тех пор любопытство не давало ему покоя — он просто сгорал от желания узнать продолжение, словно кошки на сердце скребли. Однако после помолвки матушка Се строго-настрого запретила ему покидать поместье ради развлечений в чайных домах.

Се Нину ничего не оставалось, кроме как нанять человека, который ежедневно записывал выступления рассказчика и в виде рукописных тетрадей доставлял их в поместье хоу.

Он и не догадывался, что в основе сюжета лежали наброски Лу Чуаня. Там было всё: падения с обрывов, потеря памяти, муки выбора между «белой» и «алой» розами — словом, самая отборная «собачья кровь».

Жители Великой Ань, не искушённые подобными интригами, совершенно не могли устоять перед напором таких страстей. И хотя многие критики ругали сюжет за излишнюю драматичность, обсуждения не утихали, и вскоре о новой истории заговорила вся столица. Даже автор, выбираясь в город за покупками, то и дело слышал, как уличные торговцы пересказывают друг другу подробности.

Впрочем, для самого Лу Чуаня эта популярность обернулась приятной и весьма неожиданной прибылью.

Обычно, когда история рассказчика становилась хитом, книжные лавки сами находили создателя, чтобы договориться об издании. Молодого человека тоже разыскали, но стоило издателям взглянуть на его подлинные рукописи, как они в ужасе качали головами — читать это было решительно невозможно.

Учёный Лу уже решил, что дело пахнет провалом, когда управляющий Ли из лавки Ханьмо вдруг предложил:

— Учёный Лу, прямо скажу: ваши рукописи для печати не годятся. Каким бы хорошим ни был сюжет, в таком виде его никто не купит. Но у меня есть план. Хотите послушать?

Лу Чуань кивнул, призывая его продолжать.

— В нашей лавке работают опытные книжники. Они могут взять за основу то, что рассказывает господин Жунчжай, и превратить это в достойный роман. Но в таком случае это будет совместный труд с Ханьмо, и в подписи должно быть указано имя нашего заведения.

Лу Чуань на мгновение лишился дара речи. Как же ему самому не пришло это в голову? В своей прошлой жизни он слышал, что некоторые популярные сетевые авторы лишь придумывают костяк сюжета, а черновую работу за них выполняют другие. Похоже, он слишком долго был офисным клерком — мозг окончательно заостенел и отказывался мыслить творчески.

— Обычно, когда нам приносят готовое произведение, мы делим прибыль в пропорции шесть к четырём: шестьдесят процентов лавке, сорок — автору. Если же книга издаётся по мотивам выступлений рассказчика, доля автора падает до тридцати процентов. Но в вашем случае... — управляющий Ли замаялся. — Ситуация редкая, в Ханьмо мы с таким сталкиваемся впервые. Я могу предложить вам лишь двадцать процентов от продаж.

Для Лу Чуаня это всё равно стало великолепным сюрпризом. Он-то полагал, что продажа набросков — сделка разовая. А ведь у него в запасе были ещё истории про героев-одиночек, расторгнутые помолвки и сокрушительную месть — целая гора сюжетов, ждущих своего часа!

Будучи в прошлом руководителем, он, несмотря на внутреннее ликование, сохранил на лице маску полнейшего спокойствия. С самым невозмутимым видом учёный согласился на условия, подписал договор и принял аванс в пятьдесят лянов серебра.

И только отойдя на приличное расстояние от лавки и спрятавшись в глухом переулке, он позволил себе рассмеяться в голос.

Его нельзя было назвать человеком, который теряет голову от денег — в современном мире он зарабатывал миллионы в год. Но жизнь в древности оказалась суровой. Едва оправившись от болезни, Лу Чуань был вынужден крутиться как белка в колесе, чтобы просто сводить концы с концами. Для человека, который привык ни в чём себе не отказывать, это было тяжёлым испытанием.

Теперь же пятьдесят лянов позволяли не только обустроить быт, но и присмотреть для Се Нина подарки подороже. К тому же впереди маячили проценты от продаж.

Впрочем, возможность разбогатеть никак не мешала его планам пожить за счёт будущего супруга.

Лавка уже наняла людей для обработки сюжета, и книге решили дать название «Сказание о Чжэньнян». Но пока шло оформление и печать, Се Нину приходилось довольствоваться рукописными копиями выступлений.

Когда Бай Юй вошёл, юноша как раз дочитал последнюю страницу, и слуга протянул ему конверт.

— Молодой господин, — лукаво прищурился Бай Юй, — и какое это по счёту письмо от господина Лу?

Раньше подобные подначки смущали Се Нина до глубины души, но теперь он привык и научился давать отпор.

— А тебе-то что за дело? — проворчал он, распечатывая конверт. — Он мой жених, имеет право писать хоть каждый день!

После помолвки Лу Чуань осознал прискорбный факт: они виделись всего трижды, и никакой душевной близости между ними нет. С таким багажом вступать в брак было боязно — они ведь друг друга почти не знают. И тогда он вспомнил о «виртуальных романах» из своей прошлой жизни: ведь люди ухитрялись влюбляться, даже находясь по разные стороны экрана.

Он решил использовать письма, чтобы они могли узнать друг друга получше.

Поначалу жених описывал свои будни: сколько времени уделит каллиграфии, как уволился из чайного дома, и даже то, что из-за физического труда стал съедать за обедом на одну чашку риса больше.

Получив первое послание, Се Нин ожидал чего-то важного, а нашёл лишь отчёт о бытовых мелочах. Но именно благодаря этой простоте он начал понимать, какой человек его суженый, как проходит его день, и невольно представлял, какая жизнь ждёт его самого после свадьбы.

От этих мыслей у юноши краснели кончики ушей. Он по многу раз перечитывал строки, бережно разглаживая бумагу, словно пытаясь через эти иероглифы заглянуть в самую жизнь Лу Чуаня.

Он и сам порывался написать ответ, но жизнь в деревне менялась каждый день, в то время как Се Нин, запертый в четырёх стенах поместья, томился от однообразия. Еда, сон, чтение да тренировки — изо дня в день одно и то же. О чём тут писать?

Не получая ответа несколько дней, Лу Чуань решил, что его рассказы о быте наскучили юноше. Вспомнив об увлечении Се Нина историями рассказчика Жунчжая, он осторожно вставил в письмо несколько замечаний о новом сюжете — и это сработало.

На самом деле молодой господин просто нащупал тему, в которой мог высказать своё мнение. Наконец-то у них появился общий интерес!

Да и новая история ему действительно нравилась. В поместье не с кем было обсудить перипетии сюжета, и возможность поспорить об этом с Лу Чуанем на бумаге приносила ему искреннюю радость.

Переписка стала регулярной. Даже матушка Се не удержалась от шутки:

— Нин-гээр, похоже, ты один получаешь больше писем, чем вся наша семья вместе взятая!

Се Нину оставалось только безропотно сносить поддразнивания матери. Но писать он не перестал.

Бай Юй, собирая прочитанные листы рукописи со стола, полюбопытствовал:

— Молодой господин, что на этот раз пишет господин Лу?

С тех пор как жених начал делиться размышлениями о «Сказании о Чжэньнян», Се Нин стал зачитывать отрывки слугам, чтобы узнать и их мнение. Стоит признать, взгляды Лу Чуаня сильно отличались от общепринятых в их обществе. Но именно это находило в душе юноши живой отклик.

— Он пишет, что этот молодой господин Лян — форменный подонок. Раз уж он взял Чжэньнян в жёны, то не имел никакого права пудрить мозги госпоже Су.

— Подонок? — переспросил Бай Юй. — Что это значит?

Се Нин перевернул страницу и указал на строчку:

— Это значит «ничтожество», человек, который бросает жену и ребёнка и ни за что не хочет отвечать.

Слуга понимающе закивал.

Господин Жунчжай как раз дошёл до момента, когда молодой господин Лян, восстановив память, оставил Чжэньнян и вернулся домой, чтобы жениться на своей наречённой — госпоже Су. Чжэньнян после его ухода чахла от тоски, пока не узнала, что беременна. Ради будущего ребёнка она отправилась в путь и, благодаря оставленной мужем нефритовой подвеске, сумела разыскать его дом.

Она появилась на пороге как раз в тот момент, когда в семье Лян праздновали свадьбу. Появление Чжэньнян вызвало среди гостей настоящий скандал.

Герой оказался меж двух огней: с одной стороны — законная жена, на которой он женился в беспамятстве, с другой — любимая невеста из прошлой жизни. Он и сам не знал, что делать.

Но, как говорится, со стороны виднее. Гости на свадьбе заметили, что Чжэньнян и госпожа Су поразительно похожи, и сообщили об этом супругам Су. Те поспешили на встречу и с изумлением узнали в пришельце свою вторую дочь, которую много лет назад отправили на воспитание в деревню.

Оказалось, что девушки были близнецами, а по обычаю двоих детей сразу в доме не оставляли. Вторую дочь отдали кормилице, чтобы та вырастила её в семье мужа.

Супруги Су признали дочь, и, поскольку та уже носила ребёнка от Ляна, они решили, что он должен оставить её в качестве жены, а старшей дочери велели вернуться в родительский дом.

Однако сердце мужчины принадлежало старшей сестре, а к Чжэньнян он испытывал лишь благодарность за спасение. Даже живя с ней, он продолжал грезить о госпоже Су.

Се Нин вздохнул:

— Обычно авторы сводят дело к тому, что герой берёт в жёны обеих сестёр, наслаждаясь радостями многоженства. Но история господина Жунчжая принимает совсем другой оборот.

— И слава богам! — поддержал его Бай Юй. — Терпеть не могу эти сказочки про «счастье втроём».

Разве найдётся женщина или гээр, которые втайне не желали бы быть единственными для своего мужа? Даже самые добродетельные столичные дамы, подыскивая супругам наложниц, делают это скрепя сердце — лишь бы учёные сухари не заклеили их ревнивицами.

Се Нин едва заметно улыбнулся:

— Взгляды Лу Чуаня ещё более дерзкие. Он считает, что и госпожа Су, и Чжэньнян должны просто бросить этого Ляна и жить в своё удовольствие, «цвести в одиночестве».

Бай Юй ахнул:

— Но разве... разве такое возможно?

В этом мире женщины и гээр привыкли опираться на плечо мужчины; казалось невыносимым, что кто-то может выжить сам по себе.

Юноша, однако, был солидарен с женихом. Проведя детство на границе, он привык видеть, как люди сами справляются с трудностями. К сожалению, скованный правилами столицы, он не мог позволить себе быть собой.

Но мысль о том, что его будущий муж разделяет эти убеждения, согревала сердце. Се Нин больше не испытывал страха перед браком — напротив, в нём проснулось робкое предвкушение.

— Кстати об этом, — вспомнил Бай Юй, — я сегодня утром слышал сплетню про того самого Лянь Инцзе.

Се Нин нахмурился:

— К чему ты его помянул?

— Да как раз к разговору о многоженстве, — пояснил слуга. — Люди из закупок болтали, что жена этого Ляня в тягости. И едва об этом стало известно, старая госпожа Лянь заставила невестку сделать своей служанке причёску наложницы, чтобы та грела постель её сыну.

Юноша изумился:

— И она совсем не побоялась оскорбить чувства семьи шилана Министерства чинов?

— Вот именно! Старая госпожа Лянь совсем рассудок потеряла. Слава богам, что помолвку расторгли! Попади вы в тот дом, натерпелись бы от этой парочки.

Се Нин и сам втайне радовался. К тому же теперь у него был Лу Чуань — жених, который во всём превосходил прошлого претендента.

Впрочем, он считал, что его будущий супруг просто обязан добиться большего.

Лянь Инцзе занял девятнадцатое место во втором ранге. Лу Чуань же считался вундеркиндом, сдавшим экзамен на сюэя в двенадцать лет. Разве будет чрезмерным требовать от него звания Таньхуалана или первого места во втором ранге?

Если бы Лу Чуань прознал о чаяниях Се Нина, он бы наверняка разрыдался в голос. Мало того, что ему приходится штурмовать вершины кэцзюй, так от него ещё и третьего-четвёртого места в империи требуют!

«Прости, милый, это выше моих сил!»

Однако сейчас Лу Чуань пребывал в полном неведении. Он сидел в доме учителя Циня, мучительно раздумывая, как бы потактичнее сообщить наставнику, что он больше не будет посещать школу.

<http://bllate.org/book/15313/1354399>